

ЭВОЛЮЦИЯ СОЗНАНИЯ И СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Возросший в последние 10-летия интерес к истории российского зарубежья закономерен. Идет процесс переосмысления исторической судьбы страны, все сильнее становится убеждение, что зарубежная Россия – это сконцентрированная национально-культурная сущность России внутренней. Растет интерес к духовному наследию эмиграции, ее политическому и социальному опыту.

Основными причинами формирования российского зарубежья в XX в. стали Первая мировая война, революции 1917 г. и гражданская война. Исходя из мотивации, можно выделить три основных категории эмигрантов. Прежде всего, это представители высших слоев общества: крупная буржуазия, руководители центральной администрации, лидеры политических партий, которые в результате Октябрьской революции были лишены прежнего общественного положения и собственности. Ко второй группе относятся офицеры и солдаты, сражавшиеся в годы гражданской войны против большевиков и Красной армии и после поражения оказавшиеся за пределами России. Третью группу составили граждане, покинувшие страну по экономическим соображениям и иным житейским обстоятельствам. Фактически это были беженцы, которых война, разорение, страх заставили искать спасение за границей. «Эмиграция, – отмечал исследователь А. С. Ахиезер, – одна из форм попыток людей культивировать свой оптимизм, веру в свою способность реализовать новые возможности» [1, с. 173]. Процесс интеграции и социокультурной адаптации беженцев в различных условиях европейских стран и Китая прошел несколько этапов и в основном завершился к 1939 г., когда у большинства эмигрантов уже не оставалось перспектив возвращения на родину. Эмиграция представляла собой сложнейшее сплетение личностей, судеб, характеров, и было бы упрощением приводить ее к какому-то одному негативному знаменателю: «кто не с нами, тот против нас». Победа фашизма в Германии и возникновение реальной для СССР военной угрозы обострили в среде российского зарубежья политическую поляризацию. В конце 1930-х гг. в эмигрантских кругах актуальным стал вопрос об отношении к «своему врагу» и к «врагу своего народа». Главным противником по-прежнему считался большевизм. Надежды на его вырождение в обозримом будущем по мере успеха пятилеток становились сомнительными, война неумолимо надвигалась, противостояние «Германия – СССР» приобретало реальные черты. В центре внимания эмигрантов были проблемы, касавшиеся агрессивности Германии, внешней политики и обороноспособности СССР: возможность соглашения между двумя странами, тяжелая промышленность в СССР, будущая война и Красная армия, Россия

перед лицом военной опасности, стратегическая защита западной границы России по опыту советско-польской войны и др. [2, с. 165]. Были востребованы аналитическая литература и семинары по проблемам войны и мира, европейской геополитике. В 1938 г. в Париже была опубликована работа генерала Н. Н. Головина «Наука о войне. О социальном изучении войны», в 1939 г. – монография историка и военного теоретика А. А. Крестинского «Философия войны» и очерк «Мировая война». На страницах журнала «Часовой» размещались статьи о состоянии РККА. Еще в августе 1937 г. Л. Д. Троцкий, следивший за событиями в Европе, сделал вывод о том, что до начала Второй мировой войны осталось два года [2, с. 166]. Как симптом приближавшейся войны расценивали в эмигрантских кругах советско-японские противоречия. Уже тогда политизированная часть российского зарубежья разделилась на «пораженцев» и «оборонцев». Показательна в этом отношении дискуссия, развернувшаяся в Белграде в 1934 г. после выступления профессора П. Б. Струве. Он считал полезным для будущего России в случае военного конфликта поражение СССР и передачу Сибири, Дальнего Востока и КВЖД Японии [2, с. 166]. Однако подавляющее большинство эмигрантов заняло оборонческую позицию, идеологом которой стал генерал А. И. Деникин. В российском зарубежье преобладало негативное отношение к идее сотрудничества с нацистами даже во имя свержения большевизма в России. Философ И. А. Ильин обращал внимание на опасность убеждений в том, что «враг моего врага – есть мой естественный друг и союзник». «Мы повинны России осторожностью и зоркостью, горечью опыта и скорбной трезвостью... Враг нашего врага может быть нам не другом и не союзником, а вторым и опасным врагом. Иллюзии здесь неуместны и непростительны.... Весь опыт истории учит Россию, что в мире существует немало государств, готовых “урезать” русские национальные интересы, ослабить страну и при случае безнаказанно расчленив ее... Если “враги наших врагов” действительно отвоюют часть России, то отдадут ее, предварительно очистив от русского населения, не нам, а своим колонистам...» [3, с. 246–248].

Нападение Германии на Советский Союз стало своего рода катализатором в определении отношения к СССР в среде эмигрантов. Многие отбросили свои политические амбиции и претензии. Участник Сопrotивления Н. Рошин записал в своем дневнике 23 июня 1941 г.: «Кончилось двадцатилетнее тусклое и тяжкое... эмигрантское бытие. Впервые за двадцать лет каждый поставлен перед необходимостью в последний раз выбрать – “за” или “против”. За народ, но и непременно вместе с его теперешней властью или по-прежнему против этой власти, но и непременно против народа... Каждый представлен только самому себе, своему разуму и совести, каждый вновь решает свою судьбу...» [4, с. 49]. Эмигрантская среда раскололась на четыре реально различные группы: на сочувствовавших фашизму и выступавших в поддержку Германии, Италии и Японии вплоть до участия с оружием в руках; нейтральных формально, но сочувствовавших

родине и желавших ее победы; сторонников одновременной борьбы «на два фронта» – против «своего врага» (СССР) и «врага своего врага» (стран Оси); сознательно вступивших в борьбу с фашизмом [2, с. 174].

С первых дней начала Великой Отечественной войны о своей готовности служить фашистской Германии заявили некоторые известные белогвардейские генералы: Н. Н. Головин, Ф. Ф. Абрамов, С. Г. Клыч, А. Г. Шкуро, Е. И. Балабин и др. Каждый из них нашел свою сферу взаимодействия с вермахтом: участие в разведывательных и административных структурах оккупационных властей, вербовка и пропагандистская работа среди эмигрантов, организация карательных акций.

Прогерманские настроения были характерны для некоторых представителей творческой эмиграции. Д. С. Мережковский, З. Гиппиус, И. Г. Сургачев, редакция газеты «Возрождение» приветствовали победу Гитлера на выборах в 1933 г., поддержали итальянскую агрессию в Абиссинии и франкистский режим в Испании. Активно сотрудничали с оккупационными властями лидеры Российского общевоинского союза (РОВС), члены Российской фашистской партии, «Братство русской правды», Союз легитимистов, «Союз мушкетёров» и др. Из них формировались охранные службы и карательные отряды. Известен охранный корпус, сформированный в Югославии в сентябре 1941 г. под командованием генерала Б. А. Штейфона. К весне 1942 г. его численность насчитывала более двух тысяч человек, он состоял из несколько полков и казачьих сотен, являлся частью германского вермахта [4, с. 52]. Аналогичный корпус был создан германскими властями также в Болгарии из числа бывших белогвардейцев и казаков, они занимались охраной шахт и железных дорог, участвовали в карательных операциях против партизан.

В борьбе против СССР принимали активное участие представители национальных диаспор, в том числе и казаки, группировавшиеся вокруг созданного в середине 1930-х гг. в Чехословакии Казачьего национального центра. Руководители КНЦ надеялись после поражения большевизма с помощью германского оружия на восстановление казачьей государственности – Казаккии. На первом этапе войны гитлеровцы не спешили с учреждением такого государства и лишь после форсирования Красной армией Днепра осенью 1943 г. выступили со специальной декларацией, в которой обещалось «устроить казачью жизнь на Востоке Европы под защитой фюрера, снабдить казаков землей и всем необходимым для самобытности» [2, с. 177].

Особую позицию в войне заняла украинская часть российской диаспоры, выступавшая за свою самостоятельность даже в условиях эмиграции. Украинские эмигранты поддерживали идею формирования дивизии СС «Галичина» и деятельность украинской повстанческой армии (УПА), которая боролась на «три фронта» – против советских партизан, немецких оккупантов и польских антифашистов. Причем отношения с немецкими оккупационными властями строились довольно своеобразно: от сотрудничества с ними на антисоветской основе до вооруженных столкновений с фашистами во имя «Самостийной Соборной украинской державы».

В составе гитлеровской армии было сформировано несколько крупных воинских подразделений из военнопленных татар и татаро-башкирских эмигрантов: татарский легион вермахта, восточно-тюркское соединение СС, боевая группа Идель-Урал. Численность только поволжских татар, служивших в составе вермахта, достигала 38 тыс. человек, в войсках СС – 2 тыс. человек. По данным новейших исследований около 18 тыс. российских эмигрантов служило в вермахте и добровольческих вспомогательных частях. В 1945 г. в Румынии, Болгарии и Югославии было арестовано СМЕРШем 16 руководителей и активных членов РОВС, из которых 40 человек были завербованы в германские разведывательные службы [5, с. 316–317].

К сожалению, на сегодняшний день отсутствует достоверная информация о численности эмигрантов из России, которые боролись с фашистами в странах Западной Европы. Однако нам известны реальные факты мужества и героизма бывших российских подданных, не принимавших фашизма до войны и не принявших его после оккупации Германией Чехии, Польши и Франции. Антигитлеровские настроения в 1930-е гг. активно поддерживались такими изданиями, как «Последние новости» (Париж, ред. П. Н. Милуков) и «Путь» (Париж, ред. Н. А. Бердяев), которые были закрыты после оккупации Франции. Их деятельность идейно подготовила прямое сопротивление части российской эмиграции фашистам. В составленный после войны князем Н. Н. Оболенским список эмигрантов, погибших в армии де Голля или в движении Сопротивления, вошло 250 имен [2, с. 179]. Были казнены 33-летняя княгиня В. А. Оболенская, которую гестаповцы называли княгиней «ничего не знаю», Е. Ю. Кузьмина-Караваева («мать Мария»), сражавшиеся в армии де Голля Г. В. Шабанов, И. И. Троян, А. П. Дураков и многие другие. Дожили до победы княгиня Т. А. Волконская, бывший полковник царской армии Ф. Е. Махин, белый офицер генерал-майор НОАЮ В. Смирнов, участник французского Сопротивления, сын бывшего министра Временного правительства И. А. Кривошеин. Одну из первых подпольных антифашистских организаций в Париже создали в 1940 г. сыновья русских эмигрантов – молодые ученые-этнографы «Музея человека» Б. Вильде и А. Левицкий. «Группа музея человека» организовала выпуск нелегальной газеты «Resistans» («Сопротивление»), название которой стало образцом для всего антифашистского движения в Европе. В газете, которая имела подзаголовок: «Официальный бюллетень Национального комитета общественного спасения» звучали призывы создавать группы сопротивления, вербовать верных людей, готовиться к вооруженной борьбе. Члены группы в 1942 г. были арестованы и казнены, в ноябре 1943 г. генерал де Голль подписал приказ о посмертном награждении Вильде и Левицкого медалью Сопротивления. Их имена помещены на мраморной мемориальной доске в «Музее человека» [6, с. 210].

В первые же месяцы после нападения Германии на СССР стали создаваться общественные организации по сбору средств на нужды сражавшегося советского народа на американском континенте. При Федерации русских канадцев начали действовать Комитеты помощи родине, которые

в течение только 1941 г. собрали 200 тыс. долл. и около 30 т одежды. Более 10 тыс. фунтов стерлингов передал борющейся России Всеславянский комитет в Сиднее. Активное участие в работе американского комитета помощи Советскому Союзу принимал композитор С. Рахманинов, сборы от концертов которого направлялись в СССР. С поддержкой России выступали члены созданного в 1942 г. в Нью-Йорке клуба «Победа» (В. и А. Кудашевы, князь Мещерский, генерал Яхонтов и др.) [2, с. 180–181]. Подобные акции свидетельствовали о существенном переломе в эмигрантских настроениях и формировании новых стратегий поведения. Многие стали сомневаться относительно своих былых оценок русской революции и ее последствий. Надежды на поражение СССР и новый налаженный с немецкой помощью порядок исчезали по мере развития событий на советско-германском фронте. На заключительном этапе войны поворот в общественном сознании стал особенно заметен. В эмигрантских кругах активизировалась просоветская лояльность и, как следствие, стало популярным движение за возвращение на родину.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахиезер, А. С.* Эмиграция как индикатор состояния российского общества / А. С. Ахиезер // Мир России. – 1999. – № 4.
2. *Доронченков, А. И.* Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России / А. И. Доронченков. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2001 – 216 с.
3. *Ильин, И. А.* Родина и мы / И. А. Ильин. – Смоленск : Русич, 1995.
4. *Соничева, Н. Е.* На чужом берегу / Н. Е. Соничева. – М. : Знание, 1991 – 64 с.
5. *Пивовар, Е. И.* Российское зарубежье. Социально-исторический феномен / Е. И. Пивовар – М. : РГГУ, 2008 – 545 с.
6. *Шкаренков, Л. К.* Агония белой эмиграции / Л. К. Шкаренков – М. : Мысль, 1986 – 272 с.

И. Ю. Воронкова

ПРЕДСТАВИТЕЛИ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА В СОСТАВЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ГРУППИРОВКИ СОВЕТСКИХ ВОЙСК (1941–1945)

После начала Второй мировой войны, несмотря на серьезное поражение, которое потерпели японо-маньчжурские войска от частей Красной армии у реки Халхин-Гол в Монголии летом 1939 г., и неудачу последующих провокаций на советско-маньчжурской границе, Япония не оставила своих агрессивных планов в отношении Советского Союза. К 1940 г. усилилась концентрация японских войск на главных направлениях: непосредственно вдоль границы СССР с подконтрольным Стране восходящего солнца